

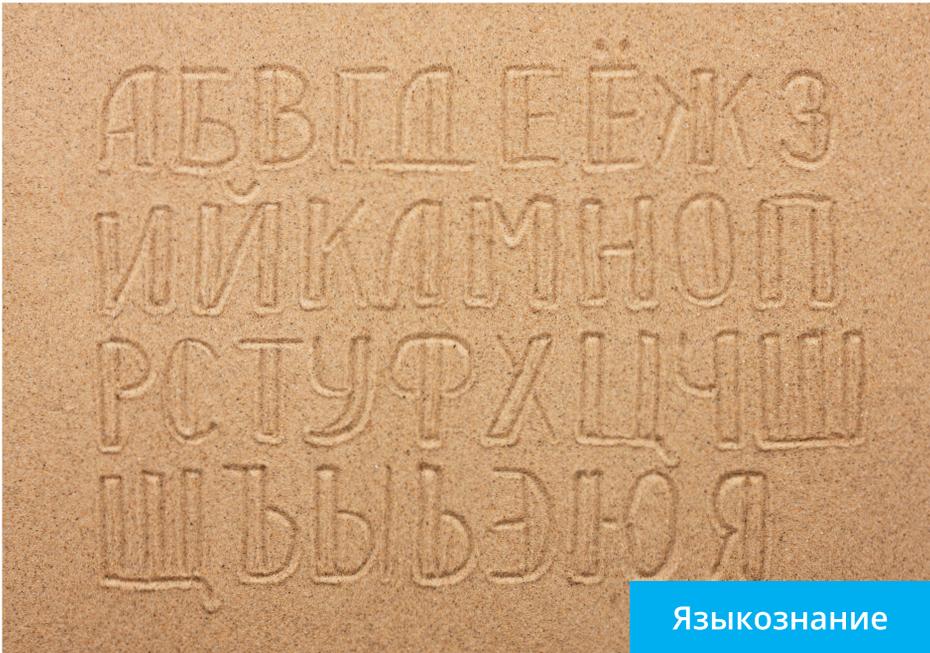
под редакцией

Елены Невзоровой-Кмеч

Р

Русский язык в иностранной аудитории

Теория, практика
цели и результаты
преподавания

Языкознание

методика и дидактика

АНДРЕЙ ЗАЙНУЛЬДИНОВ

ДОРОТА ШМИДТ

Барселонский университет г. Барселона, Испания

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Данная работа осуществлена при поддержке и в рамках проекта DIANA-CONSTRUCCIONES: BUSCANDO EL CONOCIMIENTO OCULTO EN LOS TEXTOS Испанского министерства экономики и развития.

Авторы настоящей статьи исходят из положения, что невозможно описать фразеологические единицы русского и польского языков на основе представления этих языковых единиц в современных русских и польских толковых и фразеологических словарях. Именно поэтому необходимо в качестве научной базы использовать прагматический подход, который до сих пор не нашел адекватного отражения в теории и практике создания лексикографических материалов. Данная статья посвящена исследованию прагматического аспекта семантики языковых единиц на материале русской и польской фразеологии, выражающей положительную и отрицательную эмоциональную оценочность. Что касается наших теоретических принципов, они основываются на аксиологической теории экспрессивности и эмотивности в рамках прагмалингвистики, которая в настоящее время формируется в ряде многочисленных исследований.

Собственно образное значение слова является компонентом лексического значения, передающим сопутствующие представления. Данная трактовка восходит к русской филологической традиции (работам А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского и др.), а также концепциям

В. Гумбольдта, Ш. Балли, рассматривающим понятие внутренней формы слова как ассоциативно-образный мотив при выделении психологической данности представления, вызывающего соответствующий образ на основе его языковой мотивированности: «внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня 1999: 125].

Образность представляет собой семантический компонент, отражающий ассоциации (представления), связанные с определенным словом, а через него и с конкретным признаком, явлением, называемым данным словом. Необходимо уточнить, что свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными. Специфика образности как средства создания экспрессивности обуславливает наличие коннотативных сем (в том числе эмоциональной оценочности), наслаивающихся на денотативное значение, и разграничение функций предикации и идентификации. В связи с этим эмоционально-оценочная образность, определяющая предикацию, обладает повышенной силой воздействия.

Является существенным замечание о том, что корни языковой образности лежат не в семантике, а в тезаурусе, в системе значений [Black 1962], именно поэтому свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными. Возможность одновременного восприятия старого и нового понятия на основе закона ассоциации определяет смысловую двуплановость языковых единиц, в то же время чувственная наглядность признака обуславливает возникновение эмоциональной оценочности как частной разновидности экспрессивности: «образ будит эмоциональное переживание» [Телия 1986: 14].

Следовательно, возможно утверждать, что образность является субкомпонентом категории эмоциональная оценочность в схеме: экспрессивность > эмоциональность > эмоциональная оценочность [Зайнульдинов 2007: 30].

Маркерами, определяющими эмоциональную оценочность фразеологических единиц, признаются:

(1) наличие образности метафорического характера: *пальчики оближешь* (*palce lizać*)

(2) наличие неясной семантической мотивированности, обусловленной экзотической звуковой формой компонентов фразеологической единицы: *нести ахинею*, *балбешка стоеросовая*; в польском языке *figle migne* «фигли-мигли» – ‘Глупые игры или шутки’, *mieć fisia* «иметь ‘фися’» – ‘Быть сумасшедшим’.

В качестве исходного может быть принято утверждение А.Н. Афанасьева, согласно которому «слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе

с тем послужили для выражения понятий блага, счастья, красоты и здоровья, богатства и плодородия» [Афанасьев 1994: 94]. Так, противопоставление «низ – верх», соотношенное с противопоставлением «земного – небесного», обусловило положительную эмотивную оценочность лексических и фразеологических единиц, связанных со сферой небесного: *восходящая звезда* (*wschodząca gwiazda*), *звезда первой величины*, *звёздный час*, *путеводная звезда*, *хватать звёзды с неба*, *манна небесная*, *небесная благодать*, *на седьмом небе* (*w siódmym niebie*) в польском языке также *dać gwiazdkę z nieba* «дать звезду с неба», *niebiańsko piękny* «небесно прекрасный». Безусловно, истоки подобного восприятия находятся в мифологических представлениях, в том числе поклонении древних славян «стихийным божествам, явлениям природы: светилам небесным, огню и воде» [Фаминцев 1995: 34].

Существует значительное число собственно лингвистических наблюдений, указывающих косвенно на важность оценочного значения компонентов фразеологических единиц (работы В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, В.Ф. Фелициной, фразеологические словари): «кровь с молоком – Белое лицо и румянец – красота, свидетельство хорошего здоровья, отсюда – положительная тональность выражения» [Фелицина, Мокиенко 1990: 77].

Осознание важности мотивационного основания фразеологизмов-идиом определило необходимость исследовать саму образную структуру внутренней формы – ее метафорический, метонимический и т. п. характер, а также роль в ней различного рода символов или квазисимволов (например, квазисимвольное прочтение слова *рука* в идиомах, где этот компонент ассоциируется с идеей власти: *держат в руках* (*trzymać w rękach*), *иметь руку*), а также эталонов или квазиэталонов (типа *дрожать над каждой копейкой*, *от горшка два вершка*) [Телия 1986: 45; Вежбицкая 1996: 83]. Все вышеизложенное относится не только к фразеологической, но и к лексической образной семантике любого знака оценочности.

Данное положение близко к идеям «упаковки» знания в форме акциональных фреймов, что позволило ввести в описание понятие прототипа или гештальт-структуры. Под этими терминами подразумевается представление, т. е. некоторая более конкретная форма отражения, чем понятие (идеальное образование) – нечто вроде «картинки» с опущенными второстепенными деталями при сохранении существенных. Данная «картинка» представляет типовые признаки обозначаемых реалий, основанные на знании о свойствах реалий, входящих в данное множество, и соответствует в национальном языке «наивной» картине мира носителей данной лингвокультурной общности.

Сущность семантической мотивированности заключается в уподоблении двух предметов по общему для них признаку, при этом признак называется опосредованно, через образ-символ, существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака: метафорический перенос, ассоциативные характеристики.

Авторы исходят из предположения, что эмоциональная оценочность может быть определена и описана на основе объективных лингвистических маркеров, через ее компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке данных [Зайнульдинов 2007: 30]; другими словами, можно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание. Критерием возникновения эмоциональной оценки на фразеологическом уровне для авторов является значимость внутренней формы компонентов фразеологических единиц (семантическая мотивированность).

Среди видов положительной эмоциональной оценочности на фразеологическом уровне выделяются:

– дружелюбное отношение (*zwrot przyjacielski*): *закадычный друг (przyjaciel od serca* «сердечный друг») – ‘друж. Близкий, душевный друг, приятель’ (русская часть корпуса цитируется по «Словарю эмоционально-оценочной русской лексики и фразеологии», Зайнульдинов 2005–2010, польский корпус цитируется по [Muldner-Nieckowski 2004; Uniwersalny Słownik Języka Polskiego 2008, Wielki słownik frazeologiczny 2010]).

– ласковое отношение (*zwrot pieszczotliwy*); разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и большей интенсивности: *ангел души моей (mój aniele* «ангел мой») – ‘ласк. В обращении: милый (-ая); ласковое обращение к кому-либо, в польском языке только к любимой женщине’,

– одобрение (*wyraz aprobaty*): *душа в душу* – ‘одобр. Очень дружно, в полном согласии (жить)’, *как воды напился (jakby kamień spadł z serca* «как будто камень упал с сердца») – ‘одобр. О чувстве облегчения, удовольствия, блаженства’, *в ажуре* – ‘одобр. Как следует, хорошо, благополучно’,

– восхищение (*wyraz zachwytu*); разница по сравнению с одобрением в высокой степени интенсивности: *дороже золота (na wagę złota* «на вес золота») – ‘восх. О том, что чрезвычайно ценно, важно’, *не жизнь, а масленица (jedwabne życie* «шёлковая жизнь») – ‘восх. О хорошей, привольной жизни; в польском языке *na sto dwa* «на сто два» – ‘Чудесно, замечательно, бесподобно, превосходно’.

Среди видов отрицательной эмоциональной оценочности на фразеологическом уровне выделяются:

– выражение неодобрения (*wyraz dezaprobaty*): *доводить (довести) до абсурда (doprowadzić do absurdu)* – ‘неодобр. Делая что-л. неправильно, последовательно приходиться к явной нелепости’;

– выражение крайнего неодобрения (*wyraz skrajnej dezaprobaty*); отличается от неодобрения более высокой степенью интенсивности воздействия: *нести/понести ахинею (pleść bzdury* «плести дурь») – ‘Говорить сущий вздор, болтать полную бессмыслицу, писать глупости, что-либо несуразное’; *ад кромешный на душе* – ‘крайнее неодобр. Мучительно тяжело кому-либо’;

– выражение пренебрежения (*wyraz lekseważenia*); возникает, когда во время акта оценивания субъект оценивания (адресант) считает себя выше в нравственном отношении по сравнению с объектом эмоционального оценивания (адресатом); позиция сверху вниз): *кисейная барышня (paniczka* «барчук») – ‘пренебр. Изнеженный, не приспособленный к жизни человек’; в польском языке также *тѣра глѡва* «твёрдая голова» – ‘твердолобый; тупой, неспособный, дубовая башка’, *malowana lala* «размалёванная кукла» – ‘Красивая, но глупая и вялая девушка’;

– выражение презрения (*wyraz pogardy*) (отличается от пренебрежения более высокой степенью интенсивности воздействия при наличии позиции оценивания сверху вниз): *глуп как баран (głupi jak baran)* – ‘презр. Очень глупый’; в польском языке *wymokły śledź* «вымоченная селёдка» – ‘Мужчина бледный, внешне непривлекательный.’

Предлагаемые обозначения видов эмоциональной оценочности основываются на русской лексикографической традиции. Важно уточнить, что данные обозначения в значительной степени условны, при этом при реализации экспрессивной функции языка далеко не все лексические и фразеологические единицы маркируются на основании четких научных критериев, поэтому наш материал позволяет выделить только предложенные 8 типов эмоциональной оценочности при наличии их внутренней дифференциации. Термин «крайнее неодобрение» не имеет лексикографической традиции, но кажется более уместным по сравнению с другими используемыми лексикографическими пометами подобного рода («порицательное», «укоризненное», «предосудительно», «грубое», «бранное» в русском языке и «pouczający», «użalający się», «naganny», «obelżywy» «wulgarny», «przekleństwo», «obcesowy», «brutalny» в польском языке), термин «дружелюбное» «życzliwy» впервые в системном виде применяется нами.

Что касается лексикографической пометы «ироничное» («ironiczny») авторы считают, что данная помета наряду с пометой «шутливое» («żartobliwy») эмоционально характеризует скорее речевые поступки,

чем чувства-отношения. Подобным образом «высокое» («podniosły»), «торжественное» («ugoczysty») характеризует отношение к типу общения, а не к обозначаемому высказывания (аналогично тому, как «грубо-просторечное» («obelżywy-wulgarny») и «фамильярное» («roufały») относятся к типу общения, характеризуя участников речевого акта, а не то, что в нем обозначено) [Телия 1986: 129]. В соответствии с этим помета «ироничное» («ironiczny») не может быть отнесена к собственно эмоционально-оценочным и способна сочетаться с эмоционально-оценочными пометами: *ни бэ ни мэ (ни кукареку) (ni be ni me ni kukuryku)* – ‘презр. ирон. О безграмотном человеке’, *гигант мысли* – ‘(разг.) неодобр. ирон. О (псевдо) незаурядном человеке (псевдо) мыслителе’ в польском языке *bawić się w profesora* «играть в профессора» – ‘ирон. О человеке который ведёт себя как профессор’, *a to ci bohater!* «смотри какой герой!» – ‘ирон. О трусливом человеке’

Типичной особенностью использования эмотивно-оценочных единиц (на фразеологическом уровне, в рамках контекста высказывания) является сенсбилизация: усиление эмоционального воздействия [Киселева 1978: 113]. Так как фразеологические единицы представляют собой мини-высказывание (по крайней мере, этимологически), следует отметить случаи усиления оценочности компонента ФЕ, при этом определения опорных компонентов, чья лексическая семантика уже обладает определённой эмотивной оценочностью, естественным образом усиливают иллюкутивный эффект воздействия: *отставной козы барабанщик* – ‘(разг.) пренебр. шутл. или ирон. О малозначительном, занимающем низкое положение в обществе человеке, претендующем на общественное признание’, *гнус паршивый* – ‘(прост. бран.) крайнее неодобр. Надоедливый, противный человек; обычно употребляется как ругательство’, *бред сивой кобылы в мутную ночь, мило-дорого, масленица масляная*. В польском и русском языке *masło maślane* «масло масляное», в польском языке *pijano owieczka we mgle* «пьяная овечка в тумане», *głupi racan* «дубина дубиной (глупый)».» Для фразеологизмов русского языка типична сенсбилизация за счет использования форм Творительного падежа: *князь князем, дубина дубиной, чурбан чурбаном, пень пнём*. Данные примеры отражают принцип избыточности, свойственный использованию фразеологии, в польском языке этот феномен в оценочной лексике не наблюдается. Фразеологизмы могут создаваться на основе интенсификации признака (своего рода гиперболизация): *комар носа не подточит* – (разг.) одобр./восх. и шутл. Сделано очень хорошо, так, что не к чему придраться’, *семи пядей во лбу* – ‘(разг.) восх. О человеке, выдающемся среди других умом, мудростью и сообразительностью’, *без сучка без*

задоринки – ‘(разг.) одобр./восх. Без каких-либо помех, без затруднений (идти, действовать и т.п.). Говорится о беспрепятственном осуществлении каких-л. дел, о безукоризненном поведении человека, о ком-л. или чём-л. совершенно безупречном’; в польском языке *bez ładu, bez składu* «без ладу, без складу» – ‘Беспорядочно, без толку’, *na leń, na szyję* «на лоб, на шею» – ‘Бросаться вперед или делать что-либо, не продумав’.

Присутствие оценочной семы в первичном значении в совокупности с расширением круга предметов (лиц), которые могут быть эмотивно оценены, формируют путь преобразования номинативно-оценочной семантики в обще-оценочную: *сьюнки текум (ślinka cieknie)* – ‘1. (разг.) одобр./восх. Кто-либо испытывает сильное желание съесть, попробовать или выпить что-либо вкусное.’ 2. (разг.) одобр./восх. перен. У кого-либо возникло острое желание приобрести что-либо заманчивое, нужное’, *пальчики оближешь (palce lizać)* – ‘1. (разг.) восх. перен. О чём-л. очень вкусном. 2. (разг.) одобр./восх. перен. О ком-чем-л. замечательном’; *хуже горькой редьки* – ‘(разг.) презр. Что-либо или кто-либо невыносимы, нетерпимы’; *Какая гадость! (co za świństwo!* «что за свинство») – ‘(разг.) презр./крайнее неодобр. Выражение крайнего неодобрения’.

К подобным ФЕ, стремящимся стать междометными, используемыми на основе закона языковой экономии для характеристики адресата, объекта, признака, ситуации в целом, можно отнести: *в ажуре, без ума, на ять, на диво, разлюли-малина*, в польском языке: *na sto dwa* «на сто два», *mucha nie siada* «муха не сядет» в определённой степени (по крайней мере в части расширения оценочных признаков), *рай земной (raj na ziemi)*, *на вес золота (na wagę złota)*; *(ziemia obiecana)* земля обетованная – ‘Замечательно’ положительного спектра; образная лексика *кошмар (koszmar)*, *бред (urojenia)*, *лажа*.

Ирония представляет собой системную оценочную транспозицию, при этом происходит переосмысление первичной мелиоративной семантики: *Хорошенькое (хорошее) дело!* – в польском языке *ładne rzeczy* «красивые вещи»! – ‘(разг.) неодобр. ирон. Не одобряю то, что произошло, случилось’; *Геракл сушеный* – ‘(жарг.) пренебр. Ироническое обращение к человеку, который необоснованно считает себя физически сильным’; в польском языке *niezły z niego artysta* «смотри, какой артист» – ‘(разг.) ирон. хитрый человек, странного поведения *artysta dla ubogich* «артист для бедных» – ‘(разг.) ирон. плохой артист’.

Среди выводов следует отметить общность закономерностей формирования положительной и отрицательной оценочности в русском и польском языках, которая подтверждает существование оценочной семантики как единой системы, а также отсутствие принципиальной

разницы в образной структуре и способах формирования оценочной номинации в русском и польском языках, определяемое едиными рамками христианской культуры и цивилизации и общностью происхождения языков. И в том, и в другом языках отрицательная оценка превалирует над положительной; возможно, эмоционально больше акцентируется отклонение от нормы, воспринимаемой положительно; на уровне существительных отрицательно оцениваются более конкретные качества, положительно оцениваются – более общие.

Безусловно, детальный анализ объекта исследования выходит за рамки настоящей статьи, тем не менее, изложенное здесь позволяет определить некоторые семантические закономерности формирования и использования фразеологических единиц в аспекте прагмалингвистики, что может быть использовано в практике фразеографического описания (создания одноязычных и двуязычных словарей), а также при преподавании русской и польской фразеологии и практической стилистики на продвинутых этапах обучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А.Н.** (1994), *Поэтические воззрения славян на природу*, Москва.
- Везбицкая А.** (1996), *Русский язык, [w:] Язык. Культура. Познание*, Москва, СС. 33–88.
- Зайнульдинов А.А.** (2007), *Эмоциональная оценочность русской лексики и фразеологии (опыт прагмалингвистического словаря)*, “Russian Language Journal”, Vol. 57, p. 29–42.
- Киселёва Л.А.** (1978), *Вопросы теории речевого воздействия*, Ленинград.
- Потебня А.А.** (1999), *Полное собрание трудов: Мысль и язык*, Москва.
- Телия В.Н.** (1986), *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Москва.
- Фаминцев А.С.** (1995), *Божества древних славян*, Санкт-Петербург.
- Фелицина В.П., Мокиенко В.М.** (1990), *Русские фразеологизмы*, Москва.
- Black M.** (1962), *Models and Metaphors // Studies in Language and Philosophy*, Ithaca, N.Y., p. 25–47.
- Müldner-Nieckowski P.** (2004), *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa.
- Uniwersalny Słownik Języka Polskiego* (2008), Warszawa.
- Wielki słownik frazeologiczny* (2010), Warszawa.

К юбилею Уршулы Семяновской

2014 год. Сентябрь. В Лодзинском университете проходит вторая научно-методическая конференция, организованная Кабинетом дидактики русского языка. Первая состоялась в 2011 году. Это начало было положено Уршулой Семяновской, заведующей Кабинетом. Тогда в Лагевницком лесу в университетском конференционном центре она, будучи организатором этого мероприятия, принимала гостей из Кельц, Кракова, Ополя, Торуня, Варшавы (Польша), Барнаула, Москвы и Волгограда (Россия). Каждый мог увидеть, какой души человек наша «начальница»: добрая, сердечная, отзывчивая, гостеприимная. Теплый прием стал визитной карточкой методической встречи в Лодзи. Многие из коллег приехали на вторую конференцию специально для нее.

Общение с У. Семяновской доставляет истинное удовольствие. Она тонко чувствует людей и умеет найти к каждому подход, охотно делится своими знаниями и опытом, служит в нужный момент советом. Уршула Семяновская – это безупречный педагог и заведующая.

Она не успокаивается на достигнутом и постоянно совершенствует свое профессиональное мастерство, пополняет свой багаж знаний и умений и этого же требует от своих подчиненных.

Она своим примером показала и показывает, каким должен быть настоящий учитель. Она именно такая — охотно оказывающая помощь и доброжелательная ко всем. *Мы поздравляем Уршулу Семяновскую с прекрасным юбилеем. Желаем здоровья, долгих лет жизни, счастья, благополучия, неиссякаемой творческой энергии и успехов во всех начинаниях. Мы гордимся тем, что Вы у нас есть.*

Коллеги

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

ul. Williama Lindleya 8
90-131 Łódź

tel.: 42 66 55 863
fax: 42 66 55 862
e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

ISBN 978-83-7969-754-0

9 788379 697540